

Некрасов
Владислав

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

К-9, ул. Горького, д. 5/6

Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

ГОРЬКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Горький

22 ЯНВ 1975

Творчество молодых

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ К ПРИЗВАНИЮ. Разведумал маленький сын геологов, ездивших с экспедицией по Северному Уралу, что через два десятка лет он будет выходить на поклон в колетах принцев и лохмотьях Квазимодо... И только «станцованный» им Данила в «Каменном цветке» напомнит ему его «геологическое» детство, «аукнется» с ним... В зимнее суровое время в одном из труднодоступных районов Северного Урала каждый вечер собирались дети геологов на «огонек» к Т. И. Бергер, энтузиастке, ставившей для ребятшек детские балеты по своим сценариям. В одном из них — «Незнайка и его друзья» — Владик Некрасов изображал Охотника, а в другом — «Сон в новогоднюю ночь» — нечто вроде Снеговика.

Поступление в Пермское государственное хореографическое училище поставило всё на свои места, и «диктатура» танца, определившая и подчинившая всю его жизнь, началась.

Четвертый и пятый классы учила Людмила Павловна Сахарова. Она ввела их в мир сложной балетной техники, начала приучать к нему, сделала его неотъемлемой частью их профессионального бытия. Она заложила в Некрасове-танцовщика выносливость, физическую силу, которой, пожалуй, не хватает многим молодым.

Железная дисциплина на уроках, строгая пунктуальность, серьезное отношение к занятиям у Л. И. Сахаровой дополнили затем танцклассы заслуженного деятеля искусств РСФСР Ю. И. Плахта. Он давал «растанцовываться». К каждому ученику Плахт находил «свой ключик». Он передал каждому свою влюбленность в театр, балет.

На выпускном вечере в училище Владислав Некрасов танцевал па-де-де из балета А. Адана «Жизель»...

Начинался поиск своей темы, своего артистического лица.

Первый сезон, 1967 года, в Горьковском театре оперы и балета имени А. С. Пушкина стал очень насыщенным для молодого артиста. Он танцевал Конрада и Бирбанто в «Корсаре» А. Адана, Данилу в «Каменном цветке» С. Прокофьева, Вацлава в «Бахчисарайском фонтане» Б. Асафьева, Альберта в «Жизели» А. Адана...

Классический балет всегда был «пробным камнем» для балерин и танцовщиков всех рангов и поколений. Некрасов в партии Альберта не только не похож на томного, пышного принца, наоборот, порою он простоват и кажется вышедшим из тех же пейзажей, с которыми резвится и танцует Жизель. В Некрасове не тщится не учитывать своих природных данных (коренастая фигура, короткий, но достаточно упругий прыжок) и достигает естественности и органичности в исполнении одной из

самых традиционных балетных партий.

Еще два спектакля оставили заметный след в творческой биографии молодого артиста: «Корсар» А. Адана и «Эсмеральда» Ц. Пуни. В первом Некрасов танцевал сразу двух корсаров Конрада и Бирбанто. Партия Квазимодо хотя и была «ходячей», то есть решенной преимущественно средствами пантомимы, но в работе над ней Владислав, пожалуй, впервые столкнулся с ролью психологической (именно ролью, а не партией), исполненной драматизма.

«Дон Кихот» Л. Минкуса — один из немногих старых ба-

СОЛИСТ

летов, где роль партнера не сводится только к поддержкам, она равноправна с ведущей партией солистки в танцевальном поединке красоты, экспрессии. Еще будучи учеником хореографического училища, Владислав Некрасов мечтал станцевать неунывающего весельчака и всеобщего любимца Базиля. Все данные его как танцовщика говорили за это. Веселая и искрометная праздничность Базиля были настолько близки Некрасову, что приехавший в Горький балетмейстер А. Дружинин сразу же определил его как исполнителя этой партии в новом спектакле.

Базиль Некрасова — своеобразный спенический брат Фигаро, эдакий король деревенской таверны, подтрунивающий (иногда ради озорства) над длинным, нескладным Рыцарем Печального Образа.

Партия Пера Гюнта из одноименного балета на музыку Э. Грига была трудной, но интересной для начинающего молодого танцовщика. Трудной и тем интересной, за три часа надо было «прожить» человеческую жизнь — от восемнадцатилетнего юноши до шестидесятилетнего старца. В Некрасове с увлечением работал над партией, сменив в театре одного из лучших ее исполнителей, заслуженного артиста РСФСР Л. Федорушко.

Одна из последних работ Некрасова — Цезарь в балете Э. Лазарева «Антоний и Клеопатра». Балетмейстер предложил актеру мало хореографических красок, но в либретто уже был заложен драматизм, повторы, при некоторой однозначности образа.

Рецензент «Советской культуры» писала о В. Некрасове в этом спектакле: «В картине Рима доминирует музыкальная и пластическая тема Цезаря — марше-

образная заданность, симметричность, механистическая организованность танцевальной лексики, никаких полутонов, полуднамеков, все очень определено, весомо. Исполнителю этой роли — В. Некрасову — многое удается, но порой он слишком обнаженно «выплескивает» эмоции, забывая, что двукость, коварство, холодный расчет — главные черты натуры Цезаря».

Стремление наполнить партию драматическим содержанием, выявить свое отношение к происходящему на сцене, создать образ, исполненный дыханием современности, — неотъемлемая черта советской школы балета. Владислав Некрасов ищет в каждой партии психологическую основу, драматическое начало, и в этом он следует за первыми советскими танцовщиками, прежде всего за реформатором мужского танца Алексеем Ермолаевым. Не потому ли удачным оказалось исполнение Некрасовым партии Цыгана в сцене «Фламенко в цыганском таборе» в только что поставленном Виана Гомес де Фонсеа Херардо балете «Испанские миниатюры».

В Некрасову очень хочется танцевать Ферхада в «Легенде о любви», Спартака... Его прельщают хореографические миниатюры Л. Якобсона своей законченностью, драматургической насыщенностью.

Он довольно самокритичен в оценках своей работы («Весь первый акт «Жизели» танцую еще плохо; «Физические данные могли бы быть лучше»), и это при том, что прошедший сезон приходилось одному вести почти весь балетный репертуар.

Я видел В. Некрасова на репетиции. Он танцует с увлечением, именно танцует. Это его труд, призвание, поиск. Он продолжается на сцене перед спящей огнями рампы, за которой сотни людей ждут от него чуда откровения, чуда свершения красоты.

С. ЧУЯНОВ.
Фото И. БУБИСА.